

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
Беспаловой Ксении Андреевны
«Французские коммунистические группы в России в 1918–1920 гг.:
возникновение, деятельность, судьбы их участников»,
представленной на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертационное исследование К.А. Беспаловой посвящено актуальной научной проблематике, причем более актуальной, чем сформулировал сам диссертант. Изучение опыта формирования и деятельности французских коммунистических групп в России в 1918–1920 гг. представляет научный интерес не только в силу необходимости переосмыслиния Октябрьского переворота и Гражданской войны в России, а также устоявшихся точек зрения в отношении тех, кто боролся за идеи революции и посвятил себя становлению мирового коммунистического движения (с. 4–5). Данная тематика напрямую коррелирует с дискуссиями на предмет возможности или невозможности «экспорта революций», а если брать еще шире — с безусловно злободневной проблематикой универсальности тех или иных идей, практик и институтов (включая идеи, практики и институты политического свойства) и их трансфера.

Представленное К.А. Беспаловой исследование в конечном итоге именно об этом, хотя его цель и выглядит предельно конкретной. Для достижения этой цели — «выявления особенностей деятельности французских коммунистических групп в России в 1918–1920 гг. и эволюции идейно-политических взглядов их сотрудников» (с. 5) — диссертант выстраивает иерархию непростых задач от обозначения круга сотрудников названных групп, выяснения их происхождения и обстоятельств прибытия в Россию до определения характера и особенностей их идейно-политических исканий.

Структура диссертации К.А. Беспаловой соответствует сформулированным задачам и позволяет с наибольшей эффективностью ответить на поставленные вопросы. За введением, в котором обозначены актуальность, объект и предмет исследования, его рамки и степень изученности, состояние источников и методология, выносимые на защиту положения и их научная новизна, теоретическая и практическая значимость и другие формальные кондиции диссертации следует 12 параграфов, сгруппированных в 4 главы. Кроме того, параграфы также имеют свое деление, отраженное в оглавлении. Многие внутренние подзаголовки имеют концептуальное значение, усиливая впечатление от потенциала представленного к защите исследования.

При этом говоря о структуре работы, я бы подчеркнула два момента. В отдельную главу автором диссертации вынесены анализ историографической ситуации, источниковой базы исследования и его

методологических оснований. Обычное для докторских диссертаций, такое структурное решение превращает рассмотрение названных выше вопросов из формально-ритуального в действительно наполненное и обстоятельное. Хотя сам автор не определяет принципов, на которых построена его работа, очевидно, что выбор проблемно-хронологического подхода в конкретно-исторической части диссертации позволяет выявить как признаки качественных видоизменений объекта исследования (вплоть до географически значимых характеристик), так и этапы их «созревания» (т.е. периодизировать историю деятельности французских коммунистических групп в России 1918–1920 гг.).

Отличительной чертой ретроспективного исследования является солидная по объёму, разноплановая по содержанию и весьма информативная источниковая база. Она, представленная различными письменными источниками, а также кино-, фото- и фотодокументами, описана диссиденткой через призму типа-видового подхода. Причем описана таким образом, что pragmatika использования каждой из названных источниковых групп не вызывает никаких сомнений. При этом необходимо, наверное, отметить стремление диссидентки к поиску баланса между источниками бюрократического свойства (т.е. официальными документами организаций, ведомств, учреждений и т.п.) и так называемыми человеческими документами, — баланса, который позволяет в полной мере объективировать не только «процессы становления французских коммунистических групп в России в 1918–1920 гг., восстановить хронологию их существования и максимально полно осветить деятельность их сотрудников в рядах этих организаций», но и «проанализировать трансформацию взглядов членов групп от момента их вступления в ряды организаций и до момента раскола этих групп» (с. 47, 48).

Раздел диссертационного исследования, посвященный его теоретико-методологическому сопровождению, предлагает в качестве такового целый комплекс подходов, в числе которых: микроистория, биографический метод, микрогрупповая теория и др. Как мне представляется, именно их соположенность дала диссидентке возможность увидеть во французских коммунистических группах в России не просто безликие институции, служившие большевикам в качестве канала индоктринации оказавшихся в России 1918–1920 гг. иностранцев. По сути К.А. Беспаловой нашупан и апробирован (возможно, интуитивно) подход, позволяющий доказать, что деятельность французских коммунистических групп в России определялась не только диктовавшимися большевиками задачами. Эта деятельность, ее интенсивность и итоги в не меньшей степени коррелировала с жизненными опытами, мотивационными установками и поведенческими выборами людей, которых ретроспективные группы на время объединили. Выбор такой исследовательской стратегии и предопределил тот факт, что история французских пробольшевистских объединений в России в диссертации оказалась «привязана» не только и не столько к событиям «большой

истории». Она также оказалась увязана со схожестью или несхожестью жизненных траекторий членов названных объединений (см. гл. 2, § 2), а также их монолитностью и союзоспособностью, напрямую детерминировавшимися личными взаимоотношениями французских коммунистов, равно как и их взаимоотношениями с большевистскими лидерами (см. гл. 3, 4). Придерживаясь избранной исследовательской логики до конца, К.А. Беспалова закономерно завершает свою работу разделом о том, как судьбы участников французских коммунистических групп сложились после их распада (гл. 4, § 4).

Полагаю, что акторно-агентная ориентированность, даже персонификация истории французских коммунистических групп в России 1918–1920 гг. стала тем самым приемом, который позволил докторанту показать не только рутинную агитационно-пропагандистскую, агентурную и пр. известную работу таких групп, но и их «внутреннюю жизнь» во всей ее противоречивости и неоднозначности. Пожалуй, именно в этом и заключается новизна представленного исследования. И если подняться над его конкретикой, то едва ли будет большим преувеличением сказать, что в работе К.А. Беспаловой на частном, локальном примере продемонстрировано, как великие идеино-политические проекты разбиваются о каждодневный политический быт и политические нравы, тем более что в данном случае это были быт и нравы а) «чужие» и б) экстремальные (где-то даже экстремистские).

Среди вопросов и замечаний, которые вызывает докторская, — а она их вызывает много, — позволю себе остановиться лишь на основных.

1. Автору явно не удалось убедительно обосновать хорологию исследования. Она однозначно шире, нежели обозначенные 1918–1920 гг., и это касается как нижней, так и верхней временной рамки. Еще хуже дело обстоит с географией исследования, о которой попросту не сказано ни слова. Думается, что проблема здесь не столько в каких-то формальных границах, сколько в том, что заглавие работы не отражает ее содержания целиком. Из текста очевидно, что участие в деятельности французских коммунистических групп в России в 1918–1920 гг. не стало делом всей жизни для их членов. Российская часть их политической активности была лишь частью их общего политического опыта, что и засвидетельствовано в докторской со всей наглядностью.

2. Непроработанным выглядит понятийный аппарат, на котором основана докторская. Во-первых, никак не решен вопрос о том, что такое «французский»? Это этнокультурный (этноязыковой) маркер или это категория прежде всего политическая, основанная на принципе гражданства? Во-вторых, нет никакой ясности в том, как многократно называемые в тексте Октябрьским переворотом события соотносятся с тем, что в работе именуется социалистической/социальной революцией или просто революцией («путь в русскую революцию» — с. 2; «воодушевленных революцией иностранцев» — с. 4; «магнетизм свершившейся в России

революции» — с. 49; «она приняла большевистскую революцию» — с. 58; «свершившуюся революцию в России он принял с воодушевлением» — с. 66; «не мог отвернуться от свершившейся социальной революции» — с. 91; «В годовщину революции группа приняла участие в демонстрации» — с. 109; «Петроград сохранял значение города, в котором свершилась социалистическая революция» — с. 180)? За отсутствием четкого авторского понимания, что такое «революция», где она начинается и где заканчивается, нет большого смысла и в употреблении таких понятий, как «революционное движение» и «революционер». В-третьих, и это, пожалуй, самый главный пробел в разметке исследовательского поля: что такое «коммунизм»? Что значит примкнуть к коммунизму и отойти от коммунизма? И можно ли ставить знак равенства между разочарованием в политике большевиков и разочарованием в коммунизме, как это делает автор диссертации?

Думаю, излишне говорить о том, что вольное «словоупотребление», характерное для представленной работы, негативно отразилось на тонкости и глубине авторских наблюдений и обобщений и прежде всего на попытках диссертанта классифицировать сначала будущих, а затем бывших членов французских коммунистических групп на различные подгруппы (на радикальных последователей революционных идей, левых интеллектуалов — сторонников социальных перемен, случайных попутчиков или заложников обстоятельств, приверженцев социализма и вдохновленных революцией (гл. 2, § 2); на верных последователей идей коммунизма, ренегатов отошедших от коммунизма и левых интеллектуалов, временно принявших коммунистическую доктрину (гл. 4, § 4). Схематизм такой классификации, местами граничащий с наивностью, в свою очередь, оставляет без ответа и вопрос о том, почему диссертант, характеризуя тех или иных членов тех или иных групп и подгрупп, выстраивает этих членов именно в той последовательности, которая зафиксирована в тексте работы, содержит ли эта последовательность иерархический смысл или она является вольной?

3. Диссертант так и не определил достаточно четко, чем в первую очередь было продиктовано создание французских коммунистических групп в России — убеждениями и инициативой их членов или все-таки прагматикой большевистской власти, как эти убеждения, инициатива и прагматика соотносились в различных условиях и на различных этапах деятельности названных групп (ср.: гл. 2, § 1, с. 50 и 52)? Кроме того, фактически отказавшись от изучения проблемы места французской коммунистической группы в системе иных аналогичных объединений, диссертант, как мне кажется, не дал исчерпывающего ответа на вопрос о значимости названной группы, ее весе и авторитете, символическом или реальном влиянии на те или иные процессы и события в России и мире. Для ответа на этот и обозначенный выше вопросы диссертации прежде всего не хватило конкретно-исторического контекста функционирования всей

совокупности иностранных коммунистических групп в Советской России, а также контекста эпохи войн и революций в целом.

4. Нельзя не заметить, что текст диссертации К.А. Беспаловой просто пестрит эмоционально-оценочной риторикой, а где-то и просто лирикой в ее откровенно советском изводе («оставаться верными заветам Французской революции и отказаться от позорной роли палачей», «яростно бороться за коммунистические идеалы» — с. 57; «Сюзанну глубоко волновала тяжелая жизнь русского пролетариата» — с. 58; «те язвы капитализма, с которыми он столкнулся в США» — с. 79; «из объятой революционным пламенем России» — с. 81; «француженка, всей душой, преданная революции» — с. 115; «пали смертью храбрых» — с. 192; и т.д.). Это, к сожалению, свидетельствует о некритичном отношении диссертанта к историографическим источникам, вплоть до их пересказа. А поскольку тема интернационального характера Великого Октября была одной из приоритетных, есть основания полагать, что автором диссертации оказались воспроизведены не только стилистика и пафос советской историографии, но и свойственные ей мифы (об этих мифах, к примеру, см.: Суржикова Н.В. Мифу миф? Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на востоке России в зеркале советской историографии // Гражданская война на востоке России: Материалы Всерос. науч. конф. Пермь, 2008. С. 265–273).

5. В качестве последнего замечания отмечу факт, на который обращать внимание, возможно, и не стоило, а именно редкое использование диссидентом такого приема, как цитирование первоисточников. Но сказать об этом, на мой взгляд, все-таки важно, поскольку дело здесь не только и не столько в дезавуировании красоты и свободы источникового материала. В свете реалий свершившегося в гуманитарном знании нарратологического поворота использование «прямой речи» в аналитическом тексте стало практически обязательным, поскольку принципиально важным для исследователя является не только то, что сообщает тот или иной источник, но и то, как он это сообщает. И, думается, несмотря на протесты Л. Фева, все-таки стоит признать правоту Л. Альфана, считавшего, что «Там, где молчат источники, нема и история» (*Halphen L. Introduction à l'histoire*. Р., 1967. Р. 61. Цит. по: Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011. С. 25).

Высказанные замечания не отменяют положительной оценки представленной к защите диссертации и носят рекомендательно-полемический характер. Диссертация Беспаловой Ксении Андреевны представляет собой целостное, завершенное и самостоятельное исследование, которое по своей структуре, содержанию, степени обоснованности выводов, достоверности и новизне подготовлено на должном научном уровне. Ключевые положения и выводы диссертационного исследования отражены в докладах и выступлениях автора на 10 конференциях международного, всероссийского и регионального уровней, а также в автореферате и 15 статьях, 5 из которых

опубликованы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации и рецензируемых международными базами данных SCOPUS и Web of Science.

На основании вышеизложенного считаю, что работа Ксении Андреевны Беспаловой соответствует по содержанию специальности 5.6.2. Всеобщая история и удовлетворяет формальным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям (пункт 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Адрес места работы:

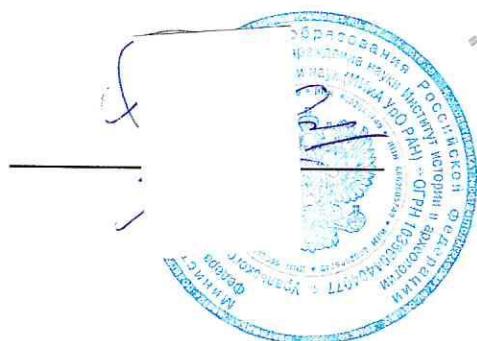
620108, г. Свердловская область, г. Екатеринбург,
ул. С. Ковалевской, д.16, к. 1009, ИИиА УрО РАН

Сайт: www.ihist.uran.ru

Тел.: 8 (343) 374-53-40

E-mail: snvplus@mail.ru

Суржикова Наталья Викторовна

Дата отзыва:

11 апреля 2022 г.

Личную подпись Натали Викторовны Суржиковой,
доктора исторических наук, заместителя
директора по научным вопросам Института
истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук
ЗАВЕРЯЮ:

Специалист по над

Г. С. Обвинцева